

На характер сетуют иные,
На крутой мой, непокорный нрав.

Пусть!
Судьбе своей земным поклоном
Поклонюсь я — всем им вопреки,
Если вот таким неугомонным
Доживу до гробовой доски.

Мама!..
В час предсмертного прощанья,
Всю земную оглядев красу,
Вместе
С отлетающим дыханьем
Имя я твоё произнесу.

* * *

Необычно,
Празднично, широко
Жизнь
В моё сознание ворвалась...
Тает первый иней.
С водостока
Капли вниз срываются,
Искрясь.
В каждой луже и в любом оконце
Распростёрся — за волной волна —
Океан смеющегося солнца
Без конца,
Без края,
И без дна.

С детства
Я навек запомнил это:
Запах тополиного ствола.
 света,
 света.
Очень много
 света
И ещё —
 тепла,
 тепла,
 тепла.

Я иду с тобою.
Сердце звонко
Бьётся с каждым шагом всё сильней.
И моя горячая ручёнка
От волнения
Чуть дрожит в твоей.
Мы идём, родимая,

Не зная,
Что вот в этот самый день и час
Тоже мать — Елена Кошечкина
Сына повела в четвёртый класс.
Что щеголеватый и весёлый.
Матерью своей боготворим,
И Стахович пожимал у школы
Руки однокашникам своим.
Что тогда же
У дверей вокзала
Где-нибудь за Эльбою рекой,
Твоего убийцу целовала
Мать родная, провожая в бой.
Если б силой вещего прозренья,
Можно было это знать тогда...
...Так лети ж,
Строка стихотворенья,
Предостережением в года.
Прогреми над миром вещим горном.
Поднимай, напутствуй и веди,
Объясни им —
 белым,
 жёлтым,
 чёрным,
И напхни, И предупреди.

* * *

Голуби — отчаянные птицы!
Им по грудь любая высота.
Выпусти на волю — и помчится
В облака крылатая мечта.
Детство! Время давности былинной
Над моей ты вьёшься головой
Сизой пестротой голубиной,
Нежною июньской синевою.
Помню, нежным взглядом окрылённый,
Я в соседском садике весной
Вишню обрывал ещё зелёной
И девчонке относил одной.
Относил в потёртой тюбетейке,
А потом,
 под солнцем хмуря бровь,
Выжигал на памятной скамейке —
«Зоя
Вова»,
Плюс,
Черта,
«Любовь».
Годы стёрли надпись,
 что я выжег,

Мохом

плюс со временем зацвёл.

Зою эту мой товарищ «Рыжик»

Прямо в юность со скамьи увёл.

Помню, плакал по ночам,

Метался

У неё — далёкой! — под окном.

Но никто о том не догадался,

Но никто не выведал о том...

Только мать,

Сыновьи чуя беды,

Поняла задумчивость юнца:

То ли по тому, что у соседа

Вишни вызревали до конца;

То ли по тому ещё, что снова

С кобурой пустою на ремне

Стал ходить к нам строгий участковый

И вести беседы обо мне.

Защитила б сына от напастей

И не подошла б к нему беда...

Только ведь не всякому несчастью

Даже мать поможет иногда.

Спрятала она в чулан игрушки,

Никому ни слова не сказав.

Но к моим слезинкам на подушке

Примешалась и её слеза.

...Голуби — отчаянные птицы!

Им по грудь любая высота.

Выпусти на волю —

И помчится

В облака крылатая мечта.

* * *

Не бомбёжкой,

Не сиреной резкой,

В дом война незванная вошла.

Бланком военкомовской повестки

Нам её связистка принесла.

Чёрным дням положено начало

Было лаконичною строкой...

Не рванулась ты, не закричала,

Лишь к виску притронулась рукой.

В мешок пожитки путевые

Мужу собирала ты без слов.

Что-то шила,

С детских лет впервые

В кровь иголкой пальцы исколов.

А потом под сводами вокзала

Своего — из тысяч одного —

Обнимая,

Коротко сказала:
«Буду ждать». И больше ничего.
Уходили летним воскресеньем
На войну священную войска...
Первая к кудрям твоим весенним
Примерзала инеем тоска.
К людям разных наций, разных классов
Мчатся призывающей строке...
Матери розовощёких ассов,
На Пхеньян бросавшихся в пике.

Мысленно веду я за собою
Вас и всех несчитанных друзей
Городом гранитным над Невою
В самый потрясающий музей.

Под стеклом лучистым, цвета неба,
В память внукам о године той
Выставлен там хрупкий ломтик хлеба
На века — реликвией святой.

Рдеют стяги — вы пройдёте мимо.
Вас портретов не взволнует креп.
Задержитесь лишь вот здесь.
И зримо
Взвесьте,
Взвесьте этот тяжкий хлеб.
Он без слов расскажет вам о том, как
По студёной уличной дали
Мы его в кошёлках и котомках
Утром вместе с топливом несли.

Как пудами становились граммы,
Как людей качало на ветру,
Как моя не возвратилась мама
От станка однажды поутру.

Смертному закрыла полыханью
Путь она к спокойствию других.
И её обязаны дыханью
Вы дыханьем сыновей своих...

Экспонату этому сухому
Под стеклом столетия лежать.
И ни веса, ни его объёма
Никакою мерой не объять.

В нём хрустят блокадные морозы,
Ненависть слилась в нём и любовь,
Вес его — пожарища и слёзы,
Мера — человеческая кровь.
Нет предела нашей силе ратной,

Мы добились мирной синевы.
...А какой ценою невозвратной
За победу уплатили вы?

Пусть у вас не покривит душонка.
Совесь здесь,
Ответа ждёт она.
Разве за такое вот — тушёнка
И яичный порошок — цена?

Матери! В какой бы стороне вы
Не жили и не трудились где б,
Сердцем полным гордости и гнева
Взвесьте,
Взвесьте этот тяжкий хлеб.

* * *

Строгая, открытая, простая
В ореоле голубых морей,
Стала всей земли одна шестая
Вдумчивую матерью моей...
За чертой Отчизны величавой
Тоже мать погибла чья-нибудь.
Кто он нынче, сын её курчавый,
И куда сегодня держит путь?
Грудью впалой приникая к плитам,
Он в ночи от холода продрог.
И, быть может, сделался бандитом,
Страждущим добычу у дорог.
Или став безмолвным работягой,
Спит, отмаявшись в чужих сеньях,
Иль бездомным шляется бродягой,
Нищенствуя в дальних деревнях.
И судьбою беспощадной смятый,
К гаснущему двигаясь костру,
Мать зовёт мужчина бородатый
И беззвучно плачет на ветру.

* * *

Время и слова мои, и душу,
И дела, и помыслы сличит.
Под билетом комсомольским —
слушай!

Сердце,
Сердце как набат стучит.
Мать моя, тебе даю я слово,
Клятву неотступную: поверь,
Если вдруг по воински сурово
Бой последний постучится в дверь,
Двинется дорогами сражений
Юности проверенная рать,

Будет драться —
Слову не изменит,
Будет — если надо — умирать.
Груди класть на амбразуры будет
И под танки юные сердца...

Правдою назначенные судьи
Приговор исполнят до конца.
Чтоб во веки над рабочим кровом
Не гремело смертоносных гроз,
Чтобы люди не видали снова
Ни сиротских и ни вдовьих слёз.
Тем, кто спекулирует на бирже
Пушками и комаром чумным,
Скажем мы: Остановитесь!
Мир же
В нашем веке стал совсем иным.
Никаким не запугать нас страхом,
Жизнь земли не повернётся вспять.
Зная, что взвивалось над рейхстагом.
Может службу сослужить опять.

* * *

Чем я был до своего рожденья?
Видно, я
Мечтой твоею был. А потом?
Потом под отчей сенью
Рос,
Мечтал,
Смеялся
И любил,
В коллективе среди равных равен,
Родиной обласкан и храним...
А ведь мог бы —
Вот давай представим —
Я родиться вовсе не твоим.
Всё равно, родимая, я знаю
Быть душой и обликом могла
Та — нам не известная, другая,
Лишь такой,
Какою ты была.
Может явь, а может мне приснилось.
Но любовью пламенной сильна.

Ты на рельсы, не страшась, ложилась
И со смертью не прошла война.
Там, где пролегла тридцать шестая
Рдеющая кровью параллель, —
Это ты, бесстрашная, прямая,
Шла под пули и стреляла в цель.

Это ты проходишь дальней далью
Со словами мира по земле,
И лауреатскою медалью
Подвиг твой венчаем мы в Кремле.

Слушай, мать!..
Слушай зов сыновний!
Я спешу,
С верой в силу твоего ответа
Имя я твоё произношу.